

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 "Кубка Мира по русской поэзии - 2015" членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений Кубка Мира будут объявлены Оргкомитетом 31 декабря 2015 года.

1 место

[Конкурсное произведение 230. "Под токованье птицам отдан сад"](#)

Под токованье птицам отдан сад,
но силу тока не назвать в амперах.
Пуская за разрядом вновь разряд,
искрит гортань, оправленная в перья.
Рукоплеща без устали, с утра
звонит бузинник, музыкой пронизан,
орешника пульсирует кора,
внимает дом, вибрируя карнизом.

Колоратур и трелей череда –
куда там окарине и гобою –
свиваются над крепостью гнезда,
короне уподобившись; любое
гнездо – отчасти нимб, венец, кольцо
из тёрна с дёрном, символ постоянства.
На дне его покоится яйцо
округлой оккупацией пространства.

Под замкнутой сферической кривой,
слабей луча и звука невесомей,
колышется и спит под скорлупой
одна из самых странных анатомий.
В укромном уголке, где все углы
закруглены, лежит и дремлет, зрея,
не смерть кощя на конце иглы,
но маленькая певчая трахея.

И как постичь, что этот сонный плод,
набор сырья: желток, белок, канатик, –
немногим позже бойко запоёт,
вспорхнув на клён в какой-нибудь канаде,
что вызреет таинственная связь
меж вязкостью и связками, сквозь стенку
проклюнется, взлетит, оборотясь
миниатюрной кузницей акцентов:

мембрана, наковальня, язычок,
удары молоточка, блеск и россыпь.
И если он когда-то на плечо
доверчиво присядет и попросит
за чик-чирик в туннеле декабря,
подай ему, – всего-то крошки грошик.
Пусть свищет вечно, воздух серебря,
пернатый бессеребренник-художник.

Блажен, кто подаянье близ фрамуг
смирненно собирает на кормушках,
отдаривая музыкой, кто звук
даёт увидеть в росписях воздушных.
Им всем завещан заповедный сад,
а в нём, как шёлком, щёлканьем расшитом,
щеглы порхают, иволги царят
и зёрнышками хлебников рассыпан.

2 место

Конкурсное произведение 118. "Крест"

О чем, стыкая кипарис и певг,
подумал, человек из Иудеи,
пока фуганок пел,
верстак кипел...
Отдать заказ и не коснуться денег,
забыть,
смолистых не считать стволов,
порезанных на брус и на консоли.
...вот кровь на пальцах, как же это
кровь,
чужая словно, вышла прежде боли.
А для подножья взять пьянящий кедр,
как жало гвоздь чернеет на подножье,
и шкурить, шкурить каждый сантиметр,
не для цены, а так,
во славу божью.

Однако же, какая духота,
томится человек из Иудеи.
Мерещится дорога и вода,
и голый певг, до заболони — тенью,
не ведающей места на земле,
родившейся, должно быть, прежде тела...
такой ни воплотиться, ни истлеть,
а будто чьим-то саваном задела.
И поспешает прочь
от мастерской
испуганный прообразом, идеей,
чужой и настигающей судьбой
достойный человек из Иудеи,
ремесленник, отец
и добрый сын,
поборник правоты в житейском споре.
И на ходу выкидывает клин,
откол сосны, уже пустивший корень.

3 место

Конкурсное произведение 60. "Артефакт"

...и нашёл Ваня во поле артефакт,
то ли хрен-разберёшь, то ли чёрт-те-чё,
вроде камень как камень, тяжёл, покат,
вроде чёрен снаружи, снутри — печёт.

Он, согревшись теплом, воротился в дом,
стал тот камень чудной так и сяк вертеть.
Почесавши в затылке, постиг с трудом:
жизнь – внутри у него, а снаружи – смерть.

Он тот камень пытал топором-пилой
(а ему говорили: «Семь раз отмерь!»)
поливал самогоном, крутил юлой.
Жизнь – внутри у него, а снаружи – смерть.

Он потом попытался его продать,
но не греет других, в их руках – как лёд.
Для него предназначен судьбой, видать,
посторонних не трогает, не берёт.

А когда за Ванюшей пришла она,
в балахоне, как водится, и с косой,
он, взяв камешек, выпрыгнул из окна
и поплёлся за ней по росе босой.

Страх ко страху, вестимо, ко праху прах,
что ж теперь голосить, поносить судьбу.
Положили тот камень в его ногах –
так ему и поныне тепло в гробу.

4 место

[Конкурсное произведение 216. "За домом заснеженный сад"](#)

За домом заснеженный сад переходит в овраг,
засыпанный с верхом, от поля идущий помостом
к долине, штрихами полных бумажомарак –
читай: пешеходов следами – исчерченной вдосталь.
Вдали оловянной заплатой лоснится каток,
февральским морозом добытый из синего тигля.
Гравюру по ветру рисуют во тьме на глазок
серебряных сосен сухие и кислые иглы.

Страницы сугробов отмечены подписью лис,
оставивших вместо визиток другие улики.
Ватага охотников грузно спускается вниз
в долину, неся за плечами гранёные пики.
Пейзаж расстановкой фигур повторяет сюжет
готической давности: крыши, деревья, равнина,
зима. У амбара мелькает оранжевый свет,
и пахнет соломой и шерстью из клетки овина.

Глядящим с холма открывается снежный размах
простора, зовущего мир рифмовать неустанно,
и манит соблазном писать на широких полях
бумаги – белей не бывает, разгул графоманам.
Во всём откровенья: в привычном предметном кругу,
в слагаемых жизни, в картинах, от древности ветхих,
где чёрною галочкой может на белом снегу
читаться любая сорока, вспорхнувшая с ветки.

5 место

Конкурсное произведение 112. "Озеро"

У подножья горы, где маяк наблюдает за бухтой,
Где как будто прибоем на склон занесло незабудки –
но, ей-богу, не знаю, откуда настурции тут –
в этих райских местах, где в воде отражается берег,
меж прибрежных камней обитают жуки-скарабей –
это озеро Мичиган, Чад или, может быть, Тун;

вот туда, в те края, иногда я в моменты печали
отправляюсь ночами – иду по пустому причалу
и смотрю на мерцанье далёких озёрных огней,
на блестящих в свечении лунном в камнях скарабеев,
на маяк, прорезающий полночь прожектором белым,
на чернильную гладкую воду и звёзды на дне...

Я давно это озеро знаю в мельчайших деталях –
от каскадов плакучих раки в предзакатной потали
до названий притихших причаленных лодок и яхт –
с панорамой размытой в тенях и оттенках бесцветных,
так похожей на сон в меланхолии лунного света,
что иллюзией кажется ночь, и вода, и маяк;

здесь с такой остротой ощущаешь свою одинокость,
безвозвратность потерь – тёплый ветер озёрный доносит
дальний звон, горький запах полыни, шуршанье листвы –
для чего ты всё так, как случилось, о Господи, сделал?
Уплывают во тьму к молчаливым лугам асфodelей
незабудки и россыпь настурций и трав полевых...

Мне нельзя здесь бывать – этот воздух для психики вреден,
я болею потом, но проходит какое-то время,
и опять я, ругая себя, возвращаюсь сюда
непонятно зачем – мне совсем не становится легче,
пустоту и тоску ни вино и ни время не лечит,

ни маяк в темноте, ни воды бесконечной слюда...

Опрокинуто звёздное небо в безмолвную заводь,
вдалеке в лунном свете мелькают огни, ускользая –
то ли духи озёрные, то ль караван кораблей –
между тем перспектива бледнеет, тускнеет пространство,
распадаясь на зыбкое множество пятен абстрактных,
растворяется фата-морганой и тает во мгле...

Возвращаюсь под утро домой, по дороге замёрзнув,
наливаю вино в тишине беспросветной и мёртвой,
пью, грущу, вспоминаю – и видится в красном вине
карусель огоньков в блеске граней... Господь милосердный,
пусть реальность моя будет тягостной, скудной и серой,
но пусть будет всегда это лунное озеро в ней...

6 место

[Конкурсное произведение 236. "Играй, Янис!"](#)

Было... то ли – четырнадцать, то ли... – не верю! Зеленело по-майски. Кипели сады. Мы открыли бутылку отцовского «Шерри», а в «остаток» долили из крана воды. Если «предки» придут – никаких покаяний! Будет «дело – труба», всё равно не робей! ...а за стенкой сосед мой – рассеянный Янис – заунывно и нудно играл на трубе.

Что там дальше не сбудется? – Рано итожить. Сколько жить, сколько плыть до последней черты! Майский город исхожен и так же надёжен, как, казавшийся вечным, родительский тыл. Всё пока нипочём – не по-взрослому просто. Помнишь песню «про зайцев»? – Кругом трын-трава!

...а вдали – нарастающий гул девяностых, горечь гари уже различима (едва).
Дальше? – Новые улицы, новые страны. Янис (с новой трубой) в ножевой тишине – на другом берегу обнажившейся раны.
– Хоть о чём говори, но молчи о Стране!

Время выло по-волчьи, скулило по-лисьи, продиралось сквозь дебри, сбивалось с пути. Уходили родные, и падали листья. Только Янис играл – хоть трава не расти! – Ничего, кроме звуков трубы «судьбоносной»...
Расстреляв все снаряды, как гордый «Варяг», выцветает лубочным рисунком с берёзкой пожелтевших времён своего букваря...

Выйдешь в Город – чужой, но... любимый до дрожи! Ощущаешь всей кожей, дожив до седин, что и «малая родина» – Родина тоже (пусть – не солнце – карманный фонарик в груди). Просто все мы – и Лига, и Янис и Саня – смотрим (так оно кажется) в «самую суть», в нашу общую почву вращая корнями, как берёзы и сосны – в латгальском лесу. Пусть шершавый акцент застревает в гортани... Лучше б – росчерком, школьным пером –

на судьбе:

– Свэйки, кайминьш!* Мой добрый стареющий Янис!
Ты себя береги и... играй на трубе!

В переводе с латышского – Здравствуйте, сосед!

7 место

Конкурсное произведение 96. "Кофейня на улице Ключюви"

Все задачи решатся, исчезнут вопросы,
Мне однажды наскучит пустыми словами играть.
□ В этот день я, наверно, покину Васильевский остров
И в кофейню на улице Ключюви приду умирать.

Рано утром в кофейне обычно немного народа:
Пара заспанных шведов, старушка одна или две.
Там писатель старинный стоит, как швейцар, возле входа,
И печальная птица всегда на его голове.

Запах кофе смешался в то утро с твоим ароматом.
Мы в кофейню зашли и читали друг другу стихи.
О, мой Бог, как хотелось остаться с тобой навсегда там.
И не надо ни Рыбного рынка, ни местной ухи.

"Лошадка Фегеляйн
Резвится у пруда.
Собачек нежный лай
Доносится туда.

Пичужка Нахтигаль
Поёт "чирик-чирик".
Грызёт ржаной сухарь
На лавочке старик".

Та кофейня была для меня как преддверие рая.
Нас с тобой разделяло всего лишь пространство стола.
А потом зазвонил телефон. Ты вздохнула: "Меня вызывают.
Мне сказали, что надо идти". Поднялась и ушла.

Позабыв со стихами тетрадку, я выскочил на Эспланаду,
Как собака на запах бросался туда и сюда.
Но писатель и птица сказали: "Не бегай, не надо.
Всё ушло в никогда, всё ушло в никогда".

И потом много лет горевал оттого, что тогда я
Не успел дочитать тебе стих про гортензиевый сад.
Мне б ещё пять минут, но теперь-то я знаю,
Ты уже никогда не вернёшься назад.

В ту кофейню, где дни и минуты навечно застыли,
Рано утром в преддверие рая приду умирать
И почувствую твой аромат от Марии Кандиды Джентиле,
И найду на столе со стихами тетрадь.

"Бенгальский тигр Антон
Свиреп и полосат.
Неслышно входит он
В гортензиевый сад.

Зрачков холодных сталь,
Рычание и крик.
Прощайте, Нахтигаль,
Лошадка и старик".

8 место

[Конкурсное произведение 21. "Энск"](#)

Если хочешь, снова поедem в Энск.
И на верхней полке лежать пластом
мне за сутки, может быть, надоест
но не поезд главное, а паром.
Сколько помню родину, пацаны
крутят ручку, наматывают канат.
Ни уезда нет уже, ни страны,
а паром туда идет и назад.
И пустые лодки клюют причал,
и, скуля уключиной, тянут трос.
Если кто надумает нас встречать,
не поймет ни речи твоей, ни слез.
Ничего, что в землю вросли дома,
и кренится липовый палисад,
ты давно предчувствовала сама,
что и дом окажется нам не рад.
Ничего, останемся хоть на год,
подоконный угол займет герань,
и скруглит решительный поворот
к деревянной проступи со двора,
с холодка, уткнувшегося в окно
к забытью минутному у двери.

Что песок повсюду, так это дно,
никому об этом не говори.

9 место

Конкурсное произведение 220. "Молилась сини"

Молилась сини: «Хочу быть сильной».
Клялась свободой, бранила похоть.
А он явился - во всём стабильный:
«Привет, мерзавка, ну, дай потрогать».

А он ворвался в моё – жилое.
В мою рутину, тепло и тело.
И показалось – оно живое,
И оказалось – оно хотело.

Такое чувство сродни разврату.
А вот не стыдно. Легко и сладко.
Я наслаждалась его посадкой,
Его рассветом, его закатом.

А летом...
Лето печётся вольно:
«Остынь, гордячка. Очнись, рабыня!»
Он камень бросит, а мне не больно.
Он дарит камень, а мне – святыня.

10 место

Конкурсное произведение 62. "Пеон третий"

ветер гонит облетевшую листву и
то разбрасывает, то сгребаёт в ворох.
если я на самом деле существую
в отражённом свете тех, кому я дорог,
бледной тенью в их сиянии и блеске,
будто на сетчатке глаз пятно слепое,
значит, проводы друзей, родных и близких –
бесконечное прощание с собою.

Евгений ЛУКИН. ТОП-10 "Кубка Мира - 2015"

Автор: Оргкомитет
11.12.2015 00:00

	Евгений МИНИН	Александр СПАРБЕР	Евгений ЛУКИН	Ирина ЦЫГЛЫДСКАЯ	Александр ПЕТРУШКИН	Галина КЛИМОВА	Мисаэль ШЕРБ	Мисаэл ГОФАЙЗЕН	Евгений КОРОБКОВА	Андрей КОРОВИН	Мисаэл ДЫНКИН	Ася АНИСТРАТЕНКО	Сергей ГУРЕВИЧ	Владислав СЕРГЕЕВ	Виталий АСОВСКИЙ	Дмитрий ЛЕГЕЗА	Базыл КЕНЖЕЕВ	Ольга ЕРМОЛАЕВА	Дмитрий КОЛОМЕНСКИЙ	Валерий ДУДАРЕВ	Виктор КУЛЗ	Александр ЮЛИКОВ	Мисаэл ЮДОВСКИЙ	Вадим ГРОЙСМАН	Лариса ЙООНАС	
21. ЭНСК	7		5																							
25. РЕЛЬСЫ-РЕЛЬСЫ																										
29. ЛИСТЬЯ																										
34. АЛТАРИ																										
37. ШИПОВНИК																										
50. НЕ НАВСЕГДА			5																							
54. ПАПЕ																										
58. ЖАЖДА	8																									
60. АРТЕФАКТ			8																							
62. ПЕОН ТРЕТИЙ			5	5																						
91. РЮГЕН																										
96. КОФЕЙНЯ НА УЛИЦЕ КЛЮЮВИ			11	5																						
112. ОЗЕРО				5																						
118. КРЕСТ			8	9																						
123. ПРОЩЕ																										
130. ХАЙМЕЛЕ																										
140. ГОЛОС ЗА ПРЕДПОСЛЕДНИМ КАДРОМ			9																							
148. КРАСНЫЙ ЛЕС	5	5																								
160. 31 ДЕКАБРЯ	5																									
188. ПРО СЧАСТЬЕ																										
192. ТОЧКИ ЗРЕНИЯ																										
216. ЗА ДОМОМ ЗАСНЕЖЕННЫЙ САД	5	5	7																							
220. МОЛИЛАСЬ СИНИ				5																						
230. ПОД ТОКОВАНЬЕ ПТИЦАМ ОТДАН САД			7	11																						
232. СКРИПАЧКА	5	5																								
236. ИГРАЙ, ЯНИС!				5																						
268. КОТОВЫЕ СУМЕРКИ	5																									
281. СНЕГ СВЕЖЕВЫПАВШИЙ...																										
285. МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК																										
298. АЮТТАЙЯ			5																							
310. ЧАЕПИТИЕ ПЕРЕД ГРОЗОЙ	5																									
312. ВЕРСИЯ МАРСИЯ																										

